Евгений Лютько

Становление «церковной субъектности» в России на примере нормативных текстов о православном духовенстве (XVIII–XIX вв.)

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-3-237-252

Eugene Lyutko

Emergence of "Church Subjectivity" in Russia on the Example of Normative Texts about Orthodox Clergy (18th — 19th Century)

Eugene Lyutko — St. Tikhon's Orthodox University (Moscow, Russia). e.i.lutjko@gmail.com

This article describes the changes in understanding the role and identity of the Russian Orthodox priesthood during late 18th — mid-19th centuries. The analysis of normative texts defining the image of parish priests reveals the gradual differentiation of the social contexts. While at the start of the period the priest acts within a more or less homogenous society, during the first decades of the 19th century this context is gradually reconsidered within binary opposition of church vs. civil (secular). The Church emerges within the priestly narratives as a category that organizes the social space (in/outside the Church) and is often described by such strong epithets as "persecuted", "militant" etc. The revealed change may be interpreted within the theory of confessionalization: the 19th century was indeed a time when modern confessional identities emerged across Europe. The category of "church," "churchiness", "churchy," etc. became crucial for self-identification of confessional societies whose hierarchies sought to create the symbolic demarcation of confessional spaces.

Keywords: pastoral theology, subject, Church-state relationship, confessionalization, parish clergy, Russian Orthodox Church, theology of the priesthood.

Исследование осуществлено в 2018–2019 гг. в рамках проекта «Парадигма христианского священства и ее трансформации в истории и современности» при поддержке Фонда развития ПСТГУ.

В этой статье мы стремимся проследить трансформацию (само)идентификации православного духовенства в конце XVIII — первой половине XIX в. В центре нашего внимания будет емкое понятие «субъектности» как «исторически определенной формы организации самосознания»[1]. Под «церковной субъектностью» в данной статье имеется в виду такое понимание окружающей действительности, в рамках которого первичной бинарной оппозицией, структурирующей социальную реальность, является различение «церковного» и «не церковного». Эта бинарная оппозиция конститутивна для современного русского православия, в особенности для официальных документов, где многократно подчеркивается ориентация тех или иных конфессиональных институтов на решение «церковных» вопросов и задач[2].

В середине XIX в. в России возникает так называемое пастырское богословие, включающее систему норм, которым должен соответствовать священник. Пастырское богословие является одной из обязательных дисциплин и в современной практике подготовки священнослужителей в России — в духовных семинариях и академиях. Первое появление пастырского богословия в учебных планах относится еще к первой четверти XIX в., однако решающим событием, безусловно, была практически одновременная публикация двух учебников по пастырскому богословию — архимандритов Антония (Амфитеатрова) и Кирилла (Наумова). Оба учебника начинаются с ответа на вопрос, что такое пастырское богословие:

1. Следуя М. Фуко, под «субъектом» мы будем понимать «результат осуществления разного рода практик подчинения или освобождения», которые вовсе не следует понимать ограничительно, как практики физического или морального насилия над волей. Формами подчинения и освобождения, к которым в той или иной мере, причастен всякий индивид, являются самые разные практики, начиная от бытовых привычек и кончая творческим процессом. В этом плане всякое социальное действие (или действие, имеющее социальное измерение), всякое социальное позиционирование, относит нас к той или иной форме субъектности, вводит нас в пространство власти того или иного дискурса, действующего, в теории Фуко, помимо воли конкретных индивидов. См. *Фуко М.* Субъект и власть // Интеллектуалы и власть. Т. 3. М., 2006. С. 161–191; *Голенков С.И.* Понятие субъективации Мишеля Фуко // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2007. № 1. С. 65 (54–66).
2. Устав Русской Православной Церкви // Сайт Московской Патриархии [http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/, доступ от 04.02.2019].

> Пастырское богословие есть систематическое изложение правил и наставлений, руководствующих к тому, как успешнейшим образом проходить пастырское служение в Церкви Христовой[3].

> Пастырское богословие есть систематическое изложение нравственных обязанностей пастыря Церкви[4].

Эти фразы устроены схожим образом: в обоих случаях категории пастырского богословия и церкви объединены «обязанностями пастыря».

Границы церкви как сообщества начинают ощущаться, когда речь заходит о категории гражданского:

> Всего же более должно избегать тяжб с своею братией и пред гражданским судом. Это крайне вредно не только для блага тяжущихся, но и вообще для целого духовного сословия и целой Церкви, поелику служит большим соблазном для прихожан и лишает уважения и доверия к Пастырям[5].

Таким образом, возникает целый ряд оппозиций, при помощи которых определяется место священника в обществе: гражданская/церковная юрисдикция, прихожане/пастыри, духовное сословие/прочие группы. Несмотря на то, что российские императоры подчас говорили о себе как о «главах Греко-Российской Церкви», здесь верховная власть хотя и не отождествляется с «гражданским», однако и не включена в категорию «церковного»:

> Он [пастырь. — *Прим. Е.Л.*] должен ясно понимать и живо чувствовать, какое величайшее благо и для Церкви и для отечества заключается в добром союзе Церкви с Престолом и служителей ее с предержащей властью[6].

Эти оппозиции — церковь/отечество, церковь/престол, служители церкви/предержащая власть, а также противопоставление церковное/светское, когда речь идет о культуре и воспитании, дополняют «социальную картографию». Наконец, конструируе-

3. *Антоний (Амфитеатров), архим.* Пастырское богословие. Т. 1. Киев, 1851. С. 1.
4. *Кирилл (Наумов), архим.* Пастырское богословие. СПб., 1853. С. 5.
5. *Антоний (Амфитеатров), архим.* Пастырское богословие. С. 115.
6. Там же. С. 156.

мое социальное пространство «церковного» имеет и внутреннюю структуру:

> Пастырь есть еще и член общества церковного, или клира. Здесь новые отношения, и притом 1. к высшим или начальствующим, 2. к равным или сопастырям, 3. к низшим или причетникам, подчиненным Пастырю[7].

Оба учебника по пастырскому богословию являлись наиболее авторитетными для своей эпохи. Будучи плодами духовно-академической системы, которая после 1814 г. получила эксклюзивное право высказываться по вопросам «до Церкви и учений церковных касающихся», учебники должны были в новых условиях актуализировать церковное учение о священстве[8]. Они не были призваны стать «новым словом» в деле подготовки православного духовенства, но, напротив, изобиловали цитатами из предшествующих им авторитетных текстов. Однако, как часто бывает в подобных случаях, пытаясь опереться на традицию, авторы этих учебников соотносили традиционные представления с новой социальной реальностью. Через выявление различий в текстах разных эпох, посвященных одному и тому же предмету, можно выявить те трансформации, которые мы будем называть трансформациями субъектности.

Для фиксации этих изменений мы должны обратиться к тексту, который занимал центральное место в первой половине XIX в., когда речь шла о священнике, и, бесспорно, был отправной точкой для авторов пособий по пастырскому богословию — «Книге о должностях пресвитеров приходских».

Опубликованная по благословению Святейшего Синода в 1776 г. книга «О должностях»[9] до сих пор остается едва ли не самым авторитетным текстом о священстве в Русской церкви[10]. Из-

7. Там же. С. 161.

8. См. подробнее о Реформе 1814 г.: *Сухова Н.Ю.* Александровская эпоха и духовная школа: реформа 1808–1814 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. №. 2. С. 55–60.

9. О должностях пресвитеров приходских от Слова Божия, Соборных Правил и учителей церковных сочиненная. СПб., 1776; последнее изд.: М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004.

10. Так, в аннотации к ее последнему переизданию указано, что эта книга является актуальным пособием по пастырскому богословию для студентов Сретенской семинарии. См.: О должностях. М., 2004. С. 4.

данная без указания авторства, она традиционно приписывается перу двух малороссийских иерархов — святителя Георгия (Конисского) и епископа Парфения (Сопковского)[11]. Сразу после публикации книга была разослана по всем православным храмам и семинариям. Эта было первое систематическое изложение православного учения о священстве, которое получило такую административную поддержку. В течение XIX в. книга «О должностях» претерпела множество переизданий и приобрела статус едва ли не канонического постановления[12]. В 1845 г. она была переведена на английский язык капелланом Блэкмором как один из наиболее важных и актуальных текстов по русскому богословию[13].

Задавая книге «О должностях» те же вопросы, что и учебникам по пастырскому богословию, и пытаясь увидеть социальные рамки, в которые вписана фигура пресвитера, мы обнаруживаем, что какие-либо границы нащупать трудно. Авторы книги не определяют священника с помощью абстрактных категорий, сразу начиная с конкретных «должностей». В единственном месте, где священник соотносится с более широким контекстом, этот контекст — скорее хронологический, нежели социально-политический:

> Священство есть служение в Новом Завете от Христа апостолом и их преемникам преданное, состоящее в проповеди слова Божия, и строении таинств, дабы сими средствами примирив грешников Богу, совершить их в вере и святом житии к получению живота вечного по слову Божию[14].

11. *Сухова Н.Ю.* Пастырское богословие в Российской духовной школе (XVIII — начало XX в.) // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2009. Вып. 1 (25). С. 29.

12. К 1844 г. переизданий насчитывалось 23. В 1840 и 1845 гг. в своих отзывах свт. Филарет указывает на ее преимущества по сравнению с более поздними пособиями. *Филарет (Дроздов), свт.* Мнения и отзывы. Т. 3. С. 5; 149. Об истории и структуре книги «О должностях» см.: *Иннокентий (Пустынский), еп.* Пастырское богословие в России. Сергиев Посад, 1899. С. 15–27.

13. Blackmore, R.W. (ed.) (1845) *The Doctrine of the Russian Church: Being the Primer or Spelling Book, the Shorter and Longer Catechisms, and a Treatise on the Duty of Parish Priests*. London.

14. О должностях. С. 2. Возможно, единственным местом, где встречается дихотомия церковного/гражданского, является комментарий к параграфу о посте: «Пост есть сугубый: гражданский и церковный. Гражданский именуется инако философским и натуральным, а по правилам врачебным диетой. А церковный святым и христианским». С. 234.

Согласно книге «О должностях» у священника четыре «должности»: учение словом, учение делом, молитва, тайнодействие. Из них особо выделяется «учительство»: именно учение «словом» названо главной обязанностью пресвитера[15]. Стоит напомнить, что книга вышла в свет еще до образовательной реформы 1780-х гг., когда в Российской империи был усвоен австрийский опыт: создан институт светского учительства, учреждены учительские семинарии и появилось то представление о школе, которое в общих чертах сохраняется до сих пор[16]. До реформы 1780-х гг. священник едва ли не по умолчанию был учителем, то есть ключевым актором в образовательной сфере[17]. Книга «О должностях», возможно, явилась запоздалой попыткой Св. Синода если не повлиять на исход образовательной реформы, то во всяком случае сохранить значимость фигуры приходского священника. Однако сделать этого не удалось. Последующие десятилетия, когда происходила дифференциация «церковного» и «гражданского» как на ментальном, так и на институциональном уровне, привели к тому, что, вслед за Г. Фризом, можно назвать «спиритуализацией» духовенства, то есть его четкой «локализацией» в пространстве «церковного», противопоставленного «делам мирским»[18].

Дихотомия церковное/гражданское, впервые обозначенная в рамках петровских реформ, а, возможно, даже раньше[19], не на-

15. «Не остается ныне более места сомнению о первейшей и главнейшей сей должности пресвитерской: но только удивлятися и сердцем болеть, что она у многих из нас по большей части почитается или за последнюю или ни за какую». О должностях, § 13.

16. Позднейшие комментаторы этой реформы оправдывали ее неспособностью духовенства той эпохи выполнять столь важную общественно миссию. См. *Толстой Д.А.* Городские училища в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1880. С. 101–102; *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 20.

17. См. отзывы церковных иерархов в рамках работы Уложенной комиссии (ОР РНБ. Ф. СПбДА. Д. 41), а также проекты Брауна-Дюмареска, «План государственных гимназий», «Учреждения школ нижних в городах столичных, губернских, уездных и в местечках» и др. См.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор. С. 251–281; Hans, N. (1961) “Dumaresq, Brown and some early educational projects of Catherine II”, *The Slavonic and East European Review* 40(94): 229–235.

18. В значении систематического и сознательного вынесения церкви из пространства «секулярных» проблем и концентрации исключительно на «духовных». Freeze, G.L. (1985) “Handmaiden of the state? The Church in Imperial Russia reconsidered”, *The Journal of Ecclesiastical History* 36(01): 90.

19. См. «Привилей» Симеона Полоцкого и его разделение наук на духовные и мирские: *Полоцкий С.* Привилей // Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко то: российския посольства в другия государства,

шла отражения в книге «О должностях», мир которой прост и структурно гомогенен, несмотря на ее официальный характер. Образ описываемого в книге священника, наделенного чертами античного оратора, чьим главным орудием является слово[20], был далек от российских реалий. Однако он не лишен правдивости в том смысле, что негласная конвенция, согласно которой в XIX в. приходской священнослужитель может появиться в обществе дворян только в качестве «требоисполнителя», еще не сформировалась[21].

«Книга о должностях» отражала стратегию духовных школ, в области языка и программы образования. В 1800 г., когда в Синоде был поднят вопрос о языке преподавания богословских дисциплин, московский митрополит Платон (Левшин) высказался вполне определенно».

> Чтоб на русском языке у нас в училище лекции преподавать, я не советую. Наши духовные и так от иностранцев почитаются почти неучеными, что ни по-французски, ни по-немецки говорить не умеем. Но еще нашу поддерживает честь, что мы говорим по латине и переписываемся. Ежели же латинскому учиться так, как греческому, то и последнюю честь потеряем, поелику ни говорить, ни переписываться не будем ни на каком языке; прошу сие оставить[22].

В соответствии с интерпретацией В. Живова, митрополит немного лукавил и в действительности его больше волновало положение духовенства в среде отечественной, а не иностранной образованной элиты[23]. Однако это различение не кажется столь значимым,

редкия грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многия сочинения древних российских стихотворцев. Кн. 5. СПб., 1774. С. 390–419.

20. В этом, а также в самой постановке вопроса «о должностях» (*de officiis*) можно видеть отражение того господствующего положения, которое занимал Цицерон в образовании XVIII в. См. на примере Новгородской семинарии: *Григорьева И.Л., Салоников Н.В.* Учебная литература из фонда рукописей библиотеки Новгородской духовной семинарии // Вестник НовГУ. 2006. № 36. С. 23–27.

21. *Мельникова С.В.* Жизнеописание приходского священника в русской беллетристике второй половины XIX века // Сюжетология и сюжетография. 2013. №. 2. С. 106–115.

22. Из письма митр. Амвросию (Подобедову). Цит. по: *Смирнов С.К.* История Троицкой Лаврской семинарии. М., 1867. С. 340–341.

23. *Живов В.М.* Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 962. См. также соображение Н.Ю. Суховой о стремлении митр. Платона при по-

если речь идет о некоей международной «Respublica literaria», «образованного сообщества», объединяющего интеллектуалов без различия по национальному признаку и вне дихотомии «церковного» и «гражданского». Такая позиция была вполне естественна в той исторической ситуации, когда образованное духовенство претендовало на принадлежность к классу интеллектуалов. Однако к началу XIX в. (несмотря на усилия самого митр. Платона) это было уже не так. И слова московского митрополита — реакция на уже происходящие изменения.

Через 26 лет наиболее одаренный ученик митр. Платона и один из влиятельнейших российских иерархов XIX в. — митрополит Филарет (Дроздов) оставил следующий отзыв по вопросу о латинском языке в преподавании:

> До преобразования духовных училищ, некоторые из них отличались знанием латинского языка, и даже искусством писать латинские стихи; для достижения и поддержания сея славы, ученики особенные усилия и большую часть времени употребляли на изучение латинских ораторов и стихотворцев; от сего происходили священники, которые довольно знали латинских языческих писателей, но мало знали писателей церковных; лучше могли говорить на латинском языке, нежели на русском; имели память обремененную множеством слов, но ум неоплодотворенным живым познанием истины[24].

В последней части этого высказывания уже можно заметить следы «спиритуализации», о чем говорят противопоставления: языческие писатели / церковные писатели; латинский язык / русский язык; обременение памяти множеством слов / живое познание истины. В одном из следующих пассажей читаем:

> Богословские понятия, преподаваемые на латинском языке, скованные слишком тяжелой школьной терминологией, не свободно дей-

мощи сохранения латинского языка в качестве языка преподавания богословских дисциплин уберечь русское богословие от терминологического релятивизма. *Сухова Н.Ю.* Духовно-учебные принципы митрополита Платона (Левшина) и их развитие в истории высшего духовного образования // Труды Перервинской православной духовной семинарии. 2012. № 3. С. 25–37.

24. Всеподданнейшее представление митрополита Филарета, с приложением рукописи: «о средствах против недостатка в достойных священниках» (1826 г., 23 ноября). *Филарет (Дроздов), свт.* Мнения и отзывы. Т. 2. С. 158.

ствовали в умах во время учения, и после учения с трудом переносимы были на русский язык для сообщения народу[25].

Цепочка элементов «языческие писатели — латинский язык — эрудиция» для Филарета утрачивает смысл: она не служит цели, поскольку образованный священник более не ориентирован на общение с представителями «образованного общества». У Филарета нет никаких сомнений в том, что именно «народ» (простой народ) — основная «целевая аудитория» священника и что способность общаться с ним и его «духовно просвещать» является важнейшей компетенцией, которую будущий пастырь должен получить в духовной школе. Именно языковая и культурная близость к простому народу выступает одним из важнейших критериев, которым должна соответствовать духовно-образовательная система.

Какие бы теоретические подходы или нарративы мы ни использовали, интерпретируя происходящие изменения (секуляризация, функциональная дифференциация, «вестернизация» дворянства, замыкание духовного сословия и т. д.)[26], следует зафиксировать тот факт, что вопрос о взаимоотношениях между священнослужителями и подданными империи больше не был главным в деле образования духовенства. Дихотомия церковное/светское затронула, в частности, вопросы языка и методики преподавания. Эта дихотомия также проявилась в том, что дворяне стали рассматриваться как носители иной культуры, доступ к которой не давало обычное семинарское образование, нацеленное на подготовку духовенства к своему служению[27].

Другим примером того, как в процессе конструирования «церковного субъекта» использовалась языковая проблематика, является книга А.С. Стурдзы «Письма о должностях священного сана» — единственное пособие такого рода, появившееся в первой

25. Там же. С. 158–159.

26. Нельзя не вспомнить и о противоречивых событиях первых двух десятилетий XIX в., предельно обострившихся религиозную ситуацию в Российской империи. См. подробнее: *Кондаков Ю.Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005; *Бежанидзе Г.В.* Святитель Филарет (Дроздов) как человек Церкви в эпоху царствования Александра I // Филаретовский альманах. 2011. № 7. С. 113–139.

27. Соответственно, доступ к этой культуре оставался возможным лишь посредством духовных академий как высшей ступени духовного образования.

половине XIX в.[28] Касаясь частного и, казалось бы, несущественного для русского пастыря вопроса о фонетике греческого языка, Стурдза вводит экклезиологическую тему:

> Православная Церковь Восточная в Греции, в большей части турецких владений, употребляет при богослужении язык Нового Завета. Для сохранения единства и священных уз братолюбия между членами таинственного Тела Христова, знание греческого языка может служить главным орудием, а произношение однообразное величайшим удобством... Вспомним, что мы принадлежим Церкви воинствующей, искони утесняемой и гонимой явно или тайно, потому что дух мира не может терпеть непреложности ее[29].

Сам Стурдза происходил из молдавской аристократии, большую часть своей жизни был вовлечен в дела дипломатии и политики и, конечно, принимал близко к сердцу проблемы притесняемых христиан Востока. Однако его слова, приведенные выше, взяты со страниц одного из самых популярных пособий для священнослужителей, которое влияло на мировосприятие пастырей, формируя у них новое понимание «церковного субъекта» — этот «субъект» претерпевал гонение от мира и использовал все средства, в том числе языковые, для укрепления своего единства.

> Сбивчиво и нелепо было бы произносить Греческие слова вовсе не так, как они написаны в Славянских книгах. Это значило бы, удалять себя от цели учения, в угодность филологам нового покроя, гордо укоряющим греков за то, что они смеют говорить природным языком по-своему, а не по принятой Европейцами системе. Впрочем, я умалчиваю здесь о светских ученых и училищах, мой скромный совет подается одним служителям Православной Церкви, для собственной пользы[30].

Через оппозиции природные греки / европейские филологи и светские ученые / служители церкви Стурдза выполняет сразу два действия, необходимость которых обусловлена противоречивой ситуацией церковно-гражданского разграничения. Мар-

28. *Стурдза А.С.* Письма о должностях священного сана. Т. 1–2. Одесса, 1841. Здесь используется 3-е издание 1861 г.

29. Там же. Т. 1. С. 22–23.

30. Там же. С. 22.

кируя греческий в качестве языка церковного (подобно тому, как митрополит Филарет противопоставляет греческих отцов латинским авторам), он парирует попытки «филологов нового покроя» проникнуть на церковную территорию, устанавливая там свои нормы. Однако после этой вылазки в пространство европейского языкознания следует возвращение в российский контекст, где его позиция оказывается гораздо более умеренной, а призыв обретает сугубо внутрицерковный характер. Далее, закончив с греческим, Стурдза касается церковного значения еврейского языка:

> Хорошо было бы и каждому проповеднику Слова Божия пользоваться сим языком, как пособием к уразумению трудных в переводе мест книг Пророческих, дабы не быть в искушении прибегать к сомнительным переводам и толкованиям, составленным вне пределов Православной Церкви[31].

Стурдза продолжает разграничивать церковное и нецерковное, когда речь заходит о церковнославянском языке:

> Знание языка Церкви придает особенную силу и важность изречениям святой истины, располагает детей к благоговейному вниманию и поставляет спасительную границу между языком богомыслия и общеупотребительным наречием обычного празднословия[32].

Однако церковнославянский — это не только язык православного богослужения; это также «молебный звук древнего правоверия», отличный от языков народа, правительства и письменности, и чуждаться его — значит «непреложное подчинять преходящим изменениям привычки и моды, небесное земному»[33].

Сакрализация церковнославянского языка в среде как духовенства, так и благочестивых мирян (к которым относился Стурдза) была одной из заметных тенденций в 1820–1840-е гг., становясь едва ли не главным препятствием на пути к русскому переводу Священного Писания[34]. Через оппозиции непреложный/прехо-

31. Там же. С. 24.

32. Там же. Т. 2. С. 12–13.

33. Там же. Т. 2. С. 14.

34. См. подробнее о появляющемся в этот период «историческом самосознании» церкви: *Сухова Н.Ю.* «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе России // Филаретовский альманах. 2013. № 9. С. 135–169; Lyutko, E. (2017)

дящий, небесный/земной, церковный/общеупотребимый, богомыслие/празднословие выявляется особая роль языка в формировании замкнутого конфессионального пространства, которое опознается здесь и сейчас, но непричастно изменчивой современности и доступно только через историю. Границы этого пространства строго отделяют церковное от нецерковного на уровне обыденных речевых практик.

Выводы

Первая половина XIX в. — эпоха возникновения и «затвердевания» церковной субъектности, конструируемой на стыке мировоззрений, языковых и культурных практик. В этой статье был показан путь становления церковной субъектности на примере текстов, посвященных священнику, в период 1780–1980-х: первичная гомогенность пространства (отсутствие социальных границ) сменяется локализацией священника в пространстве церковного, которое противопоставляется гражданскому, светскому, иноконфессиональному, бытовому. Вполне возможно интерпретировать эту трансформацию как следствие болезненной реакции церковной иерархии и, шире, православных интеллектуалов на события Екатерининского, а затем Александровского царствований, когда скала «господствующей церкви» оказалась поколеблена религиозным свободомыслием[35]. Однако не менее важно увидеть этот феномен в более широкой перспективе.

В последние десятилетия европейскую историю XIX в. все чаще рассматривают через призму теории «ре-конфессионализации»[36] или «второй конфессионализации»[37]. Эта теория призва-

"Church history and the predicament of the Orthodox hierarchy in the Russian Empire of the early 1800s", *Slovene* 6(2): 385–399.

35. См., например, рефлексию Стурдзы на этот счет: *Стурдза А.С.* Записки: О судьбе Русской Православной Церкви в царствование императора Александра I // Русская старина. 1876. № 2. С. 266–289.

36. Как ее называет М. Чапман: Chapman, M.D. (2014) *The Fantasy of Reunion: Anglicans, Catholics, and Ecumenism, 1833–1882*, p. 6. Oxford: OUP.

37. Этого термина придерживается Олаф Блашке. Напомним, что «конфессионализация» — это теория, предложенная в 1960-е гг. и призванная объяснить процесс размежевания государств по конфессиональному признаку в постреформационный период. См.: Blaschke, O. (ed.) (2002) *Konfessionen im Konflikt: Deutschland zwischen 1800 und 1970: ein zweites konfessionelles Zeitalter*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; Idem. (2014) "Säkularisierung und Sakralisierung im 19. Jahrhundert", in K. Gabriel, C. Gärtner, D. Pollack (eds) *Umstrittene Säkularisierung: Soziologische und historische Analysen zur Differenzierung von Religion und Politik*, pp. 439–459.

на объяснить то положение, в котором находится так называемая «организованная религия» (прежде всего христианство) в XIX столетии. Именно в этот период христианские конфессии становятся особенно чувствительны к своим символическим границам. И если XVI–XVII вв. были временем создания «конфессиональных государств», то XIX в. может быть назван эпохой становления «конфессиональных сообществ» (в рамках происходящего в этот период процесса разделения сфер «политики» и «религии»). XIX век — это время, когда конфессиональная иерархия сплачивала вокруг себя приверженцев, обозначая символические границы истинно спасительного, за которым начинаются *Entkirchlichung* («расцерковление») — оставление спасительной ограды и утрата *Kirchlichkeit* («церковности»)[38]. Таким образом, становление в России церковной субъектности — то есть специфического видения социальной и исторической действительности через призму жесткого разграничения «церковного» и «не церковного» — является частью общеевропейского процесса, который пока не привлекал внимания отечественных исследователей. История конфессиональных сообществ в ракурсе их самообнаружения — перспективное направление, позволяющее увидеть феномены и трансформации, прежде не замечаемые в историографии.

Библиография / References

Антоний (Амфитеатров), архим. Пастырское богословие. Т. 1–2. К., 1851.

Бежанидзе Г.В. Святитель Филарет (Дроздов) как человек Церкви в эпоху царствования Александра I // Филаретовский альманах. Вып. М., 2011. № 7. С. 113–139.

Голенков С.И. Понятие субъективации Мишеля Фуко // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология. 2007. № 1. С. 54–66.

Григорьева И.Л., Салоников Н.В. Учебная литература из фонда рукописей библиотеки Новгородской духовной семинарии // Вестник НовГУ. 2006. № 36. С. 23–27.

Живов В.М. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 955–975.

Berlin: Berlin Univ. Press. См. также: Bayly, C.A. (2004) *The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons*, pp. 325–365. Oxford: Blackwell Publishers.

38. Эти понятия начали использоваться в Германии в начале XIX в.; как показано в этой работе, в России ситуация была схожей. См.: Hölscher, L. (2003) “Semantic Structures of Religious Change in Modern Germany”, in H., McLeod, W. Ustorf (eds) *The Decline of Christendom in Western Europe, 1750–2000*, p. 187. New York: Cambridge University Press.

Иннокентий (Пустынский), еп. Пастырское богословие в России. Сергиев Посад, 1899.

Кирилл (Наумов), архим. Пастырское богословие. СПб., 1853.

Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005.

Мельникова С.В. Жизнеописание приходского священника в русской беллетристике второй половины XIX века // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 2. С. 106–115.

Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII в. (Из истории общественно-политической мысли.) М.: Изд-во МГУ, 1994.

О должностях пресвитеров приходских от Слова Божия, Соборных Правил и учителей церковных сочиненная. СПб., 1776; 2004.

Полоцкий С. Привилей // Древняя Российская Вивлиофика. СПб, 1774. Кн. 5. С. 390–419.

Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902.

Смирнов С.К. История Троицкой Лаврской семинарии. М., 1867.

Стурдза А.С. Письма о должностях священного сана. Т. 1–2. Одесса, 1841.

Стурдза А.С. Записки: О судьбе Русской Православной Церкви в царствование императора Александра I // Русская старина. 1876. № 2. С. 266–289.

Сухова Н.Ю. «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе России // Филаретовский альманах. 2013. № 9. С. 135–169.

Сухова Н.Ю. Александровская эпоха и духовная школа: реформа 1808–1814 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 2. С. 55–60.

Сухова Н.Ю. Духовно-учебные принципы митрополита Платона (Левшина) и их развитие в истории высшего духовного образования // Труды Перервинской православной духовной семинарии. 2012. № 3. С. 25–37.

Сухова Н.Ю. Пастырское богословие в Российской духовной школе (XVIII — начало XX в.) // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2009. Вып. 1 (25). С. 25–43.

Толстой Д.А. Городские училища в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1880.

Устав Русской Православной Церкви // Сайт Московской Патриархии, [http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/, доступ от 04.02.2019].

Филарет (Дроздов), свт. Мнения и отзывы. Т. 1–5. М., 1881–1885.

Antonii (Amfiteatrov), arhim. (1851) *Pastyrskoe Bogoslovie* [Pastoral theology], vol. 1–2. Kiev.

Bayly, C.A. (2004) *The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons*, pp. 325–365. Oxford: Blackwell Publishers.

Bezhanidze, G.V. (2011). Svyatitel' Filaret (Drozdov) kak chelovek Tserkvi v epokhu tsarstvovaniia Aleksandra I [St Filaret as a Mas of the Church in the Reign of Alexander I], *Filaretovskii al'manakh* 7: 113–139.

Blaschke, O. (ed.) (2002) *Konfessionen im Konflikt: Deutschland zwischen 1800 und 1970: ein zweites konfessionelles Zeitalter*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Blaschke, O. (2014) "Säkularisierung und Sakralisierung im 19. Jahrhundert" in K. Gabriel, C. Gärtner, D. Pollack (eds) *Umstrittene Säkularisierung: Soziologische und*

historische Analysen zur Differenzierung von Religion und Politik, pp. 439–459. Berlin: Berlin University Press.

Chapman, M.D. (2014) *The Fantasy of Reunion: Anglicans, Catholics, and Ecumenism, 1833–1882*. Oxford: OUP.

Golenkov, S.I. (2007) "Poniatie sub"ektivatsii Mishelia Fuko" [The term subjectivation of Michel Foucault], *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriia Filosofiia. Filologiia* 1:54–66.

Grigor'eva, I.L., Salonikov, N.V. (2006) "Uchebnaya literatura iz fonda rukopisei biblioteki Novgorodskoi dukhovnoi seminarii" [Teaching Literature from the Manuscript Collection of Novgorod Theological Seminary Library], *Vestnik NovGU* 36:23–27.

Filaret (Drozdov), mitr. (1881–1885) *Mneniia i Otzyvy* [Opinions and reviews], vol. 1–5. Moscow.

Freeze, G.L. (1985) "Handmaiden of the state? The Church in Imperial Russia reconsidered", *The Journal of Ecclesiastical History* 36(01): 82–102.

Hans, N. (1961) "Dumaresq, Brown and some early educational projects of Catherine II", *The Slavonic and East European Review* 40(94): 229–235.

Hölscher, L. (2003) "Semantic Structures of Religious Change in Modern Germany" in H. McLeod, W. Ustorf (eds) *The Decline of Christendom in Western Europe, 1750–2000*, p. 184–197. New York, Cambridge University Press.

Innokentii (Pustynskii), bishop. (1899) *Pastyrskoe Bogoslovie v Rossii* [Pastoral theology in Russia]. Sergiev Posad.

Kirill (Naumov), archim. (1853) *Pastyrskoe Bogoslovie* [Pastoral theology]. Saint-Petersburg.

Lyutko, E. (2017) "Church history and the predicament of the Orthodox hierarchy in the Russian Empire of the early 1800s", *Slovene* 6(2): 385–399.

O dolzhnostiakh presviterov prikhodskikh ot Slova Bozhiia, sobornykh pravil i uchitelei tserkovnykh sochinennaia [On the duties of parish priests from the Word of God, the Council Rules and church teachers, composed] (1776, 2004). Saint Petersburg.

Kondakov, Yu.E. (2005). *Liberal'noe i konservativnoe napravleniia v religioznykh dvizheniiakh v Rossii pervoi chetverti 19 veka* [Liberal and conservative parties in the religious movements in Russia of the first quarter of the 19th century]. Saint Petersburg.

Mel'nikova, S.V. (2013) "Zhizneopisanie prikhodskogo sviashchennika v russkoi belletristike vtoroi poloviny XIX veka" [Biography of the parish priest in the Russian fiction of the second half of the 19th century], *Siuzhetologiia i siuzhetografiia* 2:106–115.

Moryakov, V.I. (1994) *Russkoe prosvetitel'stvo vtoroi poloviny 18 v. (Iz istorii obshchestvenno-politicheskoi mysli* [Russian Enlightenment in the Second Half of the 18 century]. Moscow: Moscow University Press.

Polotsky, S. (1774) "Privelei" [Privilege], *Drevniaia Rossiiskaia Vivliofika* 5:390–419.

Rozhdestvenskii, S.V. (1902) *Istoricheskii obzor deiatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniia. 1802–1902* [Historical overview of the work of the Ministry of Education. 1802–1902]. Saint Petersburg.

Smirnov, S.K. (1867) *Istoriia Troitskoi lavrskoi seminarii* [History of the Trinity Laure seminary]. Moscow.

Sturdza, A. S. (1876) "Zapiski: o sudbe Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I" [On the fate of the Russian Orthodox Church in the reign of Emperor Alexander I], *Russkaia starina* 2:266–289.

Sturdza, A.S. (1861) *Pisma o dolzhnostiakh sviashchennogo sana* [The letters of office of the holy orders], vol. 1–2. Odessa.

Sukhova, N. Yu. (2010) "Aleksandrovskaia epokha i dukhovnaya shkola: reforma 1808–1814 gg." [Epoch of Alexander and Ecclesiastical Reform of 1808–1814], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriia i politicheskie nauki* 2:55–60.

Sukhova, N.Yu. (2012) "Dukhovno-uchebnye printsipy mitropolita Platona (Levshina) i ikh razvitie v istorii vysshego dukhovnogo obrazovaniia" [Ecclesiastical Educational Principles of Metropolitan Platon and its Development in the History of Higher Religious Education], *Trudy Pervervinskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii*, 3:25–37.

Sukhova, N.Yu. (2013) "Istoriko-bogoslovskaia revoliutsiia" v vysshei dukhovnoi shkole Rossii" ["The historico-theological Revolution" in the Supreme Ecclesiastical School of Russia], in *Filaretovskii al'manakh*, vol. 9, pp. 135–169. Moscow: Saint-Tikhon's Orthodox University Press.

Sukhova, N.Yu. (2009) "Pastyrskoe bogoslovie v Rossiiskoi dukhovnoi shkole (XVIII — nachalo KhKh v.)" [Pastoral Theology in the Russian Theological High Schools (XVIII — beg. XX century)], *Vestnik PSTGU* 1 (25): 25–43.

Tolstoi, D.A. (1880) *Gorodskie uchilishcha v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II* [City schools in the reign of Empress Catherine II]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences press.

"Ustav Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi" [Charter of the Russian Orthodox Church], Sait Moskovskoi Patriarkhii, [http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/, accessed on 04.02.2019].

Zhivov, V.M. (1998) ""Marginal'naia kul'tura v Rossii i rozhdenie intelligentsia" [Marginal Culture and the Birth of the Intelligentsia], in *ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ. K 70-letiyu Vladimira Nikolaevicha*, pp. 955–975. Moscow: Indrik.